

СКАЗКА-КАТАСТРОФА «КУРОЧКА»: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТИРОВАНИЯ

По классификации В.Я. Проппа сказка-катастрофа «Курочка» относится к 10 типу кумулятивных сказок формульного подвида «Убиваются о пустяках», т.к. рядовой случай (мышка разбивает куриное яйцо) приводит людей к отчаянию, и они один за другим совершают нелепые поступки [1, с. 256]. В сводном каталоге сюжетов сказок Арайса–Медне сюжет «Разбитое яичко» встречается только в румынских, русских и литовских сказках, в каталоге сюжетов восточнославянских сказок он представлен 11 вариантами в русских, 11 вариантами в украинских сказках и 4 в белорусских, но только восточнославянские сказки отражают «церковные события» [2, с. 454].

В работе рассматриваются восемь вариантов сказки-катастрофы «Разбитое яичко» с церковным содержанием с целью выявления их исторического кода. Они представлены в русском, белорусском и украинском фольклоре: 4 варианта русских сказок, изданных А.Н. Афанасьевым в 1858 г. (сокр. Аф.-1, Аф.-2, записана в Архангельской губ.) [3, с. 81–82]; в кратком изложении В.И. Ковалёва по данным интернет-ресурса (сокр. Ков.-1, записана в Саратовской обл.; Ков.-2, записана в Новгородской области) [4, с. 52–53]; 2 варианта белорусских сказок, изданных Е.Р. Романовым в 1887 г. (сокр. Ром.-1, записана в Могил. губ. Гом. у.; Ром.-2, записана в Могил. губ., г. Сенно) [5, с. 1, 2]; 2 варианта украинской сказки по данным интернет-ресурса (Ков.-3., записана в Полт. обл.; Ков.-4, записана в Харьков. обл.) [4, с. 54].

Варианты сказки «Разбитое яичко» характеризуются большой вариантностью персонажного слоя, мотивов растительного, животного, предметного мира, составляющего бытовую среду обитания человека. Постоянными содержательными компонентами сказки являются *курочка*, *яйцо*, *мышка* и *баба*. Все остальные мотивы сказки относятся к переменным: исходный состав персонажей 1) *дед – баба – внучка*; 2) *дед – баба*; 3) *баба*;

признак пестроты яйца и других характеризующих слов; количество снесенных яиц одно – полный коробец; последующее включение в событийный ряд сказки разнообразных лиц; мотив разбивания яйца дедом и бабой – отсутствие этого мотива; реакция дома и домашних предметов на случившийся факт – отсутствие данного предметного ряда; наличие внешних предметов за пределами дома и соответствующее их поведение – отсутствие их в канве текста и т.д.

Что же произошло? В доме появилось странное яйцо *пестро, востро, костяно, мудрено* (Аф.-1). Последнее определение относится к рациональной оценке яйца «странное, непонятное». В словаре В. Даля *мудреный* имеет значение «замысловатый, странный, непонятный, трудный, сложный, запутанный, неразгаданный, причудливый». Сказочные *дед, баба и внучка* не заметили появления в их доме странного яйца, не обратили на него никакого внимания и не предприняли по отношению к яйцу никакого действия (Аф.-1). В вариантах сказки Аф.-1 и Аф.-2 содержится мотив озабоченности курочки в сохранении яйца. В Аф.-1 курочка снесла яичко *в куте под окошком*, т.е. на полу, и положила его на повыше, *на полочку*, в Аф.-2 курочка снесла яйцо повыше от земли и спускала его *с полки на полку* и спрятала его в *осиновое дупелко* (кадочку, выдолбленную из цельного дерева, из пня), которое поставила *в кут под лавку*. Кажется, какие еще можно произвести действия для сохранения яйца? Тем не менее яйцо разбито, что и привело к стремительно развивающемуся действию по «апокалиптическому» сценарию: катастрофа втягивает в себя всех персонажей и все окружающее их пространство. Деревья, животные, предметы лишают себя целостности, способности выполнять свое предназначение: дуб обламывает сучья, сбрасывает листья (*Узяв да обламав* – Ром.-2; *дуб с себя листочки посишбал* – Ков.-1; *Дуб листье попускав* – Ков.-3; *Дуб гилля попускав. Дуб гилля позбивае* – Ков.-4), животные сбивают себе рога (*и я, лось, роги поскидав* – Ром.-1; *Узяв да и збив* – Ром.-2; *Баран рог избые* – Ков.-4; *Бычок рожки позбивав* – Ков.-3), получают увечья (*сорока ногу изломала* – Ков.-1; *вороты ...сороки хвост отсекли* – Ром.-1), волнуются (*собаки брэшаць* – Ром.-1; *гуси кричаць* – Ром.-1; *вовк завыл* – Ром.-1; *мядзьведзь заров* – Ром.-1; *сорока стрекоче* – Ков.-3); высыхает река (*Узяла высахла* – Ром.-2) или становится кровавой (*Вода кровью стала* – Ков.-3); необычно ведут себя домашние предметы (*верей хохотать* – Аф.-2; *ворота скрипеть* – Аф.-2; Ром. -1; *ворота скрипять* – Ков.-3; *вороты похилися* – Ром.-2; *соломьяни дзвері рыпляць* – Ков.-4; *тын рассыпался* – Аф.-2; *сор под порогом закурился* – Аф.-2; *трески летяць* – Ром.-1; *дзвері побутусились* – Аф.-2; *веник пашет* – Ков.-2; *ступа пляшет* – Ков.-2; *песты толкут* – Ков.-2; дом разрушается (*в печі пылае, верх в избе шатаецца* – Аф.-1). Не менее странные действия, на первый взгляд, производят и люди: *старик плачет, старуха възрыдае, девочка-внучка с горя удавилась* – Аф.-1; *строй* (нищий, калека, который находился в это время в доме у бабы) *стал плакать, баба рыдать* – Аф.-2; *Дед плача, баба плача* – Ром.-1; Ков.-2; *Дид плаче, баба плаче* – Ков.-3; Ков.-4; *Дзед расплакався, баба раз-*

ромзалася – Ром.-2 *Дед плачет, баба горюет* – Ков.-1); уничтожает просфоры просфирня (*изломала и побросала* – Аф.-1) и попадья (*проскуры повыкидала* – Ков.-3), разбрасывает тесто попадья (*Все тесто по полу разметала* – Аф.-2; *Узяла и з дзяжы цесто усе повыкидала* – Ром.-2; *розчыну по хаті порозкыдала* – Ков.-4), более того, попадья *под печку пироги посадила без памяти* (Ков.-2) и даже выбросила испеченные пироги (*с горя покидала все пироги за окошко* – Ков.-1); поповны сломали приспособление для носки воды (*ушат обломилі* – Аф.-2), попова служанка ведра разбила (Ром.-2; Ков.-1), посуду перебила (*Дивка посуду побыла* – Ков.-4); миряне передрались (*миряне стали драться с досады* – Ков.-2); поп косу отрезал (*косу одризав* – Ков.-4); жизни себя лишил (*А поп с горя разбежся да как ударится об косяк! Тут и помер.* – Ков.-1). В разных вариантах сказки-катастрофы книги уничтожают поп (*книги изорвал* – Аф.-1; *стал книгу рвать – всю по полу разметал!* – Аф.-2; *книги посек* – Ром.-2) или дяк (*книги порвав* – Ром.-1), церковь также сжигает поп (*пошов ... и церкву запалив* – Ром.-1) или дяк (*расклав цяпло под церковой. Так церква и згорела* – Ром.-2), поп звонит в набат (*побежал на колокольню в набат звонить* – Ков.-2), дяк разбивает колокола (*побежал на колокольню и перебил все колокола* – Аф.-1), поп очищает церковь от вещей (*усе з церкви повыкидав* – Ков.-3).

Сказка, как и другие жанры фольклора, имеет непосредственное отношение к действительности, к реальной жизни, которое требует своего исторического объяснения [6, с. 115]. Какое же реальное событие, изменяющее весь ход народного бытия, зашифровано в сказке? Оно настолько катастрофично, что герои сказки сами участвуют в разрушении своего пространства, уничтожая культовые предметы, сакральные строения, как будто отказываются от своей прошлой жизни, подготавливая себя к переходу в какое-то новое пространство, не ведомое нам. Зачем лицам религиозного культа ломать и бросать просфоры, ломать колокола, рвать и жечь церковные книги, разрушать церковь? Почему просфоры, тесто, колокола, книги, храм стали «не те», т.е. превратились в несправедливые, ложные? Само по себе сознательное разрушение вещей, которое сопровождает бытийную жизнь человека, символизирует отказ от прежней своей жизни, от прежнего обустроенного пространства и переход в новое состояние и, следовательно, в новое пространство. Вспомним поведение казаков в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», которые переходят из мирной жизни в военную: Тарас Бульба швыряет горшки и фляжки, пахарь ломает свой плуг, бровари и пивовары разбивают бочки, ремесленник и торговец посылает к черту ремесло и лавку и бьет горшки в доме [7, с. 38]. Аналогичные действия происходят и в сказке: герои сказки отказываются от привычных им предметов, которые стали ненужными в результате действия каких-то разрушительных начал.

Можно предположить, что в сказке-катастрофе «Разбитое яичко», связанной с церковной проблематикой, зашифрована чрезвычайно важная по своим последствиям реформа церковной культуры, обиходной и собы-

тийной, которая произошла в православном мире восточных славян в середине XVII в. Недаром сказка-катастрофа с церковными мотивами известна только в восточнославянском фольклоре – у русских, белорусов и украинцев, т.е. сюжет сказки территориально привязан к восточнославянскому православному ареалу. По своим драматическим, трагическим последствиям она может быть соотнесена только с никоновской справой, которая привела к разрушению относительного единства средневековой идеологии [8, с. 29]. Реформа коснулась всей духовной жизни русского общества. Нарушился незыблемый, веками устоявшийся уклад обиходной церковной культуры, существовавшей на Руси в течение 700 лет со времени крещения Руси. Изменяется поведенческий ритуал священников и паствы во время службы (например, двуперстное знамение заменяется трехперстным), появляется новая одежда у духовенства (головной убор камилавка, клобуки и мантии, рясы с широкими рукавами), новая прическа у священников и монахов (длинные волосы, исчезает тонзура), появляются греческие амвоны, новая иконопись, новые церковные напевы и другие новшества, Старый христианский канон был заменен новым, появившимся в Греции после падения Константинополя в 1453 г. Изменение внешних компонентов церковной службы происходит одновременно с редактированием канонических книг, изменению устоявшихся в памяти православной паствы фрагментов важнейших молитв, например, «Символа веры», изменения ударения в именах святых и другие нововведения, приведшие в совокупности к реформе церковнославянского языка и к последовавшему духовному расколу русской православной церкви и одновременному процессу формирования светской культуры по европейской парадигме [9, с. 411–471]. Трагическое восприятие церковной реформы русским человеком связано со средневековым пониманием неделимой целостности вещи и ее значения, т.е. предмета и слова, поэтому изменение предмета или формы слова, его обозначающего, воспринималось верующими как кошунственное действие, разрушающее истинную веру [10, с. 42–43]. Духовную трагедию православного русского народа, наступившую с церковной реформой сер. XVII в. (самосожжение старообрядцев, притеснения несогласных с церковными нововведениями, которые привели к тому, что старообрядцы покидали свои дома и уходили в глухие недоступные места в пределах России или переселялись в другие страны, чтобы исповедовать истинную веру) и последовавшие за ней другие не менее драматические события русской истории трудно переоценить. Вот почему предлагаемая интерпретация сказки-катастрофы «о разбитом яичке» вполне логично укладывается в предложенную историческую схему и многие «пустяки» и «нелепые поступки» героев сказки (уничтожение просфор, ведер, церковных книг, колоколов, выбрасывания из церкви всех вещей, поджог самого храма, самоубийство священника и др.) получают свое объяснение. Самым важным церковным мотивом в сказке-катастрофе является текстовый компонент уничтожения церковных книг, т.к. все книги дониконовской реформы подлежали изъятию из церкви и уничтожению, равно как и другие предметы

церковной утвари. Мотив прекращения книгой выполнения своей функции духовного очищения и спасения является вторым в картине апокалипсиса, изображенным в 8 песне совмещенных канонов Иисусу Христу, Пресвятой Богородице и Ангелу Хранителю в «Последовании ко святому причащению»: «Егда поставятся престолы, и **книги разгнутся**, и Ветхий денми сядет, и судятся человеци, и Ангели предстанут, и земля восколеблется, и вся ужаснутся и вострепещут...».

Таким образом, сказка-катастрофа «Курочка» («Разбитое яичко») приобретает вполне конкретно исторический смысл, соотнесенный с реальным историческим фактом – церковной реформой второй половины XVII в, а тексты сказки, представленные в русском, белорусском и украинском фольклоре, требуют своего дальнейшего изучения и осмысления в сравнительно-сопоставительном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пропп, В. Я. Кумулятивная сказка // Фольклор и действительность. – М., 1976. – С. 241–257.
2. Пропп, В. Я. Комментарии // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / Издание подготовили Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. – Т. 1. – М., 1984.
3. Афанасьев, Н. А. Русские народные сказки. Вып. 4. – М., 1858. – С. 81–82.
4. Коваль, В. И. Текст и язык: поиски истоков. – Минск, 2012. –
5. Романов, Е. Р. Белорусский сборник. – Т. 1. , Губерния Могилевская. Вып. 3.– Витебск. 1887.
6. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность / Фольклор и действительность: избранные статьи. – М., 1976. – С. 83–115.
7. Гоголь, Н. В. Тарас Бульба. Собрание сочинений. Т. 2. – М., 1959.
8. Панченко, А. Русская культура в канун Петровских реформ / О русской истории и культуре. – СПб., 2000..
9. Успенский, Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). – М., 2002.
10. Мечковская, Н. Б. Язык и религия. Пособие для студентов гуманитарных наук. – М., 1998.